

и «любезный администратор», готовый охотно откликнуться на просьбу то старого коллеги, то приближенного ко двору генерала, и т. д. Попробуем представить каждый из приведенных «типажей» адмирала.

Проститель

Одно из приоритетных направлений в переписке Крузенштерна — протектирование своих детей и своих многочисленных родственников. Так, в 1836 г. адмирал был крайне озабочен устройством на службу своего младшего сына. После окончания Царскосельского лицея тот попал в Департамент иностранных дел, где служил чиновником 10-го класса. Семья же рассчитывала определить его в лейб-гвардии Драгунский полк, для чего требовалась санкция Николая I. В письме к военному министру графу А.И. Чернышеву Крузенштерн, ходатайствуя за сына, счел нужным сослаться на известные ему прецеденты: «Я не смел бы испрашивать себе сей милости, если бы не имел в виду пример над бывшим сотоварищем моему сыну по Лицею, Бреверном, которому таковая милость оказана приятием прапорщиком лейб-гвардии в Волынский полк».¹²⁴ В ноябре того же года дело благополучно завершилось. В письме к светлейшему князю А.С. Меншикову, датированном 13 января 1843 г., Крузенштерн просит «простить мою смелость с тою снисходительностью, которая неразлучна с истинным гением. Высокое покровительство, коего Ваша светлость удостоиваете одного из сыновей моих, имеющего неоглашенное щастие состоять уже двенадцатый год при Вас, Светлейший князь, возродило во мне желание открыть и младшему сыну моему, служащему в Лейб Гвардии Драгунском полку поручиком, столь же лестное поприще, прося Вашей светлости о назначении его адъютантом при высокой особе вашей...».¹²⁵ Когда старший сын адмирала Николай был произведен флигель-адъютантом (07.07.1831), Крузенштерн поблагодарил светлейшего князя, усмотрев в данной ему милости «особенное для меня щастие».¹²⁶

В делах своих близких адмирал проявлял неумную энергию и вел, занимаясь их устройством на службу, переписку со многими корреспондентами. Один из них — уже упоминаемый нами граф Н.П. Румянцев.¹²⁷

¹²⁴ РГАВМФ. Ф.14, оп. 1, д. 256, л. 104 об., 105.

¹²⁵ Там же. Л. 50.

¹²⁶ Там же. Д. 255, л. 33.

¹²⁷ Граф Н.П. Румянцев (03.04.1754—03.01.1826), сын фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского и графини Екатерины Михайловны, урожденной княжны Голицыной, дочери фельдмаршала М.М. Голицына. Был одним из виднейших государственных деятелей России в начале XIX в. и занимал посты министра

Оплачивая обучение сына Крузенштерна в Царскосельском лицее, он предпринимал все возможные усилия, чтобы продвинуть карьеру и других сыновей адмирала, в особенности своего крестника,¹²⁸ старшего сына адмирала.¹²⁹ Так, например, в письме от 29 апреля 1819 г. он обнадеживал Крузенштерна, обещая ему содействие руководителя Инженерного корпуса графа Бетанкура, которому подтвердит, что «сильное в нем участие беру и поручу его особому его покровительству».¹³⁰ Устраивая дела племянника Крузенштерна, Отто Фридриха Игнациуса, сына его двоюродной сестры,¹³¹ Румянцев познакомил молодого человека с главным директором Академии художеств и способствовал его успехам.¹³² Еще

коммерции (1802—1811), директора водяных коммуникаций и комиссии об устройении в России дорог (1801—1809), министра иностранных дел (с 1808 г.), а в 1810—1812 гг. был председателем Государственного совета. В 1814 году вышел в отставку и занимался активной деятельностью по развитию отечественной истории и спасению погибающих памятников письменности. Граф собрал большую библиотеку и обширные коллекции рукописей, этнографических и нумизматических материалов, которые легли в основу Румянцевского музея. Книжные собрания этого музея послужили в 1925 г. базой для создания Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Меценат и покровитель мореплавания, Румянцев оказал немалую поддержку Крузенштерну при организации первого русского кругосветного плавания и в дальнейшем финансировал морские экспедиции (на его средства, например, в 1815 г. был снаряжен в плавание на поиски северного морского прохода между Азией и Америкой корабль «Юрикс»). На протяжении четверти века между Крузенштерном и Румянцевым велась оживленная переписка, которая хранится в Государственном историческом архиве Эстонии. Скончался в Санкт-Петербурге в своем особняке на Английской набережной (в 1831 г. в нем был открыт Публичный музей, ныне в нем размещается Государственный музей истории Санкт-Петербурга) и был похоронен в любимом имении в Гомеле в им же построенном Петропавловском соборе. (Библиографию научных работ о графе Н.П. Румянцеве см.: Николай Петрович Румянцев: Жизнь и деятельность: Библиографический указатель книг, статей из сборников, журналов, газет на русском языке. К 140-летию Российской государственной библиотеки / Сост. О.Г. Горбачева, В.А. Князютова. М., 2001.) Относительно проблем исторической антропологии, затронутых нами в этой книге, см. диссертацию, посвященную изучению социального окружения Румянцева и формированию его клиентелы: *Бекасова А.В.* Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П.А. Румянцева: Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2006.

¹²⁸ Он же был посредником в организации крещения второго сына Крузенштерна, восприемником которого стал император Александр I (ЕАА. Ф. 1414, Н. 3, С. 21, Л. 12—13).

¹²⁹ Граф даже рекомендовал Крузенштерну назвать сына Николаем, «во имя святого покровителя мореплавания» (Ibid. Л. 1 об.).

¹³⁰ Ibid. Л. 70.

¹³¹ Магдалена Кристина фон Крузенштерн (1776—22.10.1842) вышла замуж (12.06.1793) за пастора Даuida Фридриха Игнациуса (05.04.1765—30.12.1834).

¹³² ЕАА. Ф. 1414, Н. 3, С. 23, Л. 90. Отто Фридрих Игнациус (17.04.1794—26.08.1824), придворный живописец, получил прекрасное воспитание. Под руководством художника Вальтера, специально приглашенного из Дрездена родителями, он стал заниматься

Семейство Игнациусов

ранее, в 1807 г., Румянцев позаботился об устройстве старшего брата Крузенштерна, взяв его «под свое начало» и направив ревизором в Ревель, а затем контролером на Виндавскую таможенную. ¹³³ И в дальнейшем, до самой своей смерти, граф не оставлял покровительством своего «друга» Крузенштерна, который, в свою очередь, выступал научным консультантом в его ученых розысканиях.

Другой корреспондент — доверенное лицо Николая I генерал-адъютант Петр Андреевич Клейнмихель. И он, и Крузенштерн неоднократно обращались друг к другу с похожими просьбами. В апреле 1827 г. Клейнмихель ходатайствовал перед адмиралом об устройстве и взятии под «всемилюбовое покровительство» Егора Деденева из Пскова. ¹³⁴ В мае 1833 г. он заверял Крузенштерна в доброжелательном отношении к его просьбе за «родственника», прапорщика Гиппиуса, которого хотели пе-

---

живописью и в 1813 г. был отправлен отцом для дальнейшего усовершенствования в Берлин; потом переехал в Вену, продолжал изучение живописи в Риме. В 1819 году картины Игнациуса «Принцесса д'Эсте и Тасс» и другие заслужили особенное одобрение императора Франца во время посещения им Рима. В 1820 году Игнациус вернулся в Эстляндию, а затем перебрался в Петербург и здесь вскоре получил место придворного живописца. Он скончался от чахотки, за год до этого потеряв супругу.

¹³³ ЕАА. Ф. 1414, N. 3, S. 21, L. 6–8.

¹³⁴ РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 253, л. 28.

ревести из Ямбургского уланского полка в 39-й Егерский. «Поставляя для себя приятнейшим долгом сделать вам угодное, — писал он Крузенштерну, — я буду иметь в виду Гиппиуса, для перевода в означенный полк при первом открытии вакансии». ¹³⁵ Безусловный интерес представляет в данной связи серия писем к Клейнмихелю за 1835 г., в которых Крузенштерн просит за сыновей покойного купца 1-й гильдии Краузе Максимилиана и Отто. Из-за происхождения их нельзя было устроить вольноопределяющимися, но Крузенштерн, тем не менее, предпринимал для этого все мыслимые усилия. В мае 1835 г. он написал Клейнмихелю о готовности командира Севастопольского уланского полка, «командир коего, родной мой племянник», принять их. ¹³⁶ В ноябре того же года Крузенштерн, крайне обеспокоенный ходом дела, «раскрывает карты»: «Не предвидя таких затруднений в определении в военную службу детей купцов, я был причиною, что они были приняты в службу из чужих краев. Если они не будут приняты в службу, то дядя их, принявший на себя попечение о воспитании сих сирот, совершенно не знает, куда их девать, ибо они не хотят возвратиться в Германию». Адмирал готов был сам приехать к Клейнмихелю, переговорить по столь важному для него делу, и умолял: «Не откажите мне в сей просьбе...» ¹³⁷

Любезный администратор

Как директору Морского кадетского корпуса, Крузенштерну неплохо были известны «обходные пути», позволявшие избежать или обойти административные «препоны». Тем более когда речь шла о тех, кто был связан с адмиралом профессиональными интересами и занимал высокое положение в военно-морских кругах. Среди просителей можно обнаружить немало влиятельных и известных лиц. «Вы мне обещали племянника моего, кадета Александра Губерти, слабago по фрунтовой части, но хорошаго по наукам произвести в гардемарины, — напоминал директору Корпуса генерал-адъютант, вице-адмирал П.А. Колзаков в письме от 16 января 1837 г., — и вы мне сказали, что когда его отец приедит — вам дать знать. Вчерашняго числа он ко мне приехал. Зделайте мне одолжение, произведите его сего дня и прикажите ему якоря нашить. Я ручаюсь за него, что он и фрунтовой будет хорошей, у него и наружность, если мы его вымуштруем. Отцу будет очень больно, ежели он его увидит не гардемаринном, так как он сего дня его увидит...» ¹³⁸ «Родной племянник мой,

¹³⁵ Там же. Д. 216, л. 29—29 об.

¹³⁶ Там же. Д. 252, л. 110.

¹³⁷ Там же. Л. 112.

¹³⁸ Там же. Д. 217, л. 6.

гардемарин Павел Коробка, пишет мне, что он экзаменуется в мичманы, я прошу Вашего превосходительства принять его как сироту», — увещивал Крузенштерна отставной вице-адмирал М.П. Коробка. В августе 1835 г., ходатайствуя за своего внука, президент Российской академии адмирал Александр Семенович Шишков не без намека просил «удостоить его вашим милостивым вниманием, которое я приму за *приятный знак обязательного расположения ко мне* (выделено автором письма. — Д. К.)». Он не ошибся, возлагая надежды на адмирала. «Хотя сын отставного корнета Шишкова, Александр, по происхождению своему не имеет права на определение в Морской кадетский корпус, — писал в ответном послании Крузенштерн, — но был принят мною в оный в числе пенсионеров по числу уважения, что он есть внук вашего высокопревосходительства». Через два года «экстренным кандидатом» был определен в Корпус и второй внук Шишкова Владимир.¹³⁹ Среди корреспондентов адмирала мы находим и другого бывшего министра — уже упоминавшегося Н.С. Мордвинова. В письме от 9 октября 1827 г. он благодарил своего бывшего подчиненного за «внимание к ходатайству о недоросле Лихареве».¹⁴⁰ Спустя три года Мордвинов выступил просителем за «старого сослуживца моего... вице-адмирала Языкова», внуки которого состояли кандидатами в Морской корпус. «Всегдашняя искреннейшая дружба моя с дедом их налагает на меня священнейшую обязанность быть за них ходатаем», — писал он Крузенштерну и просил поместить обоих в Корпус.¹⁴¹

О том, до какой степени от воли директора Корпуса зависела будущая судьба того или иного кадета, свидетельствует «слезная» мольба еще одной корреспондентки Крузенштерна — Анастасии Михаловской, урожденной княжны Долгоруковой (декабрь 1832 г.). «Умоляю Вас на коленях со слезами именем самого господа Бога, — начинала она свое послание, — не выгоняйте нашего сына Александра из Корпуса, довершите ваши благодеяния, благодетельнейший начальник и отец, я лежу больна, и нет сил приехать и упасть к ногам вашим, не погубите сию заблудшую овцу... сие новое благодеяние оживит меня и воскресит беднаго моего мужа, которой чрезвычайно... растроен, не много надо по его летам и его слабому здоровью, я право не так много прошу для сына, как для отца».¹⁴²

Разумеется, далеко не все решения могли зависеть от воли «любезного администратора». Когда в дело вмешивались высшие инстанции, адмиралу оставалось лишь подчиниться. В январе 1836 г. из Инспектор-

¹³⁹ РГАВМФ. Ф. 14, оп. 6, д. 34, л. 97–107.

¹⁴⁰ Там же. Оп. 1, д. 227, л. 43.

¹⁴¹ Там же. Л. 44.

¹⁴² Там же. Л. 20.

ского департамента за подписью вице-директора капитана 1-го ранга М.Н. Лермантова пришел запрос в отношении «возможной скорости, которым по списку кандидатов... состоит недоросль Шварц и скоро ли может поступить он в комплект». Относительно скорейшего решения дела проявлял озабоченность канцлер российских орденов, действительный тайный советник князь А.Н. Голицын. В ответе Крузенштерна (16.01.1836) сообщалось, что состоит он 200-м и поступить сможет не ранее чем через три года. Однако уже через десять дней в рапорте, направленном в Инспекторский департамент, Крузенштерн доносил: «Во исполнение высочайшей воли, объявленной мне, кандидат Михаил Шварц зачислен экстренным кандидатом сего корпуса».¹⁴³

Старый заслуженный адмирал

Каждый год летом Крузенштерн отъезжал в свое родовое имение Асс, в Эстляндии, в отпуск, сдавая дела подчиненным. Сроки отпуска могли сдвигаться, но неизменно это были летние месяцы, о чем регулярно сообщают записи в делах Морского корпуса. Многогранная деятельность адмирала, длительные плавания, научные «штудии» серьезно подорвали его здоровье. Еще в молодом возрасте он постоянно жаловался на недомогание, ездил лечиться за границу, находился под наблюдением врачей. Неудивительны в данной связи прошения, которые Крузенштерн постоянно писал начальнику Главного Морского штаба светлейшему князю А.С. Меншикову. Так, 22 апреля 1830 г. он писал: «Чувствуя с давнего времени расстройство в здоровье своем, более и более усиливающееся, по совету пользующего меня лейб-медика г. Гарде, я считаю для себя необходимым перемену воздуха и употребление морских ванн. Хоть не без искреннего сожаления думаю об отлучке, и на самое короткое время, от должности мною занимаемой; но, с другой стороны, не могу не уважить и советов, данных мне относительно здоровья...»¹⁴⁴ Письма, направляемые светлейшему князю, приобретали все более драматическую тональность; к 1840 г. дело явно шло к увольнению с поста директора Корпуса. Тогда Крузенштерн просил отпуск уже на пять месяцев, он жаловался на «боли в лице, усиливающиеся при малейшей простуде, которой я часто подвергаюсь».¹⁴⁵ Когда же увольнение состоялось, Крузенштерн обратился к Меншикову с просьбой ходатайствовать о прибавлении ему квартирных денег. Он жаловался, что «бывшему директору Морского кадетского

¹⁴³ РГАВМФ. Ф. 432, оп. 6, д. 34, л. 26–28. Михаил Павлович Шварц стал впоследствии контр-адмиралом, а его брат Сергей — адмиралом.

¹⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 255, л. 6.

¹⁴⁵ Там же. Л. 21–21 об.

корпуса адмиралу Карцову при оставлении им службы при Корпусе, было всемилостивейше повелено производить на наем квартиры по 5000 р. в год в замен, как сказано в повелении, квартиры, которую он занимал в корпусе». Крузенштерн обращал внимание на то, что «Карцов был одинокий человек, а я имею большое семейство, и по этому, равно как и по званию моему, должен поддерживать в наем квартиры гораздо более получаемых по положению квартирных денег».¹⁴⁶

Многогранная, богатая психологическими нюансами фигура адмирала, естественно, не исчерпывалась предложенной нами палитрой «типажей», которые, однако, дают представление о том, сколь многообразной была его деятельность в качестве администратора. «Добросердечный, приветливый директор», аккуратный, вежливый, дисциплинированный, перед которым стужевывались все воспитатели, он остался в памяти многих выпускников Корпуса как терпимый и покладистый начальник, никогда не говоривший никому «ты» и способный посочувствовать «радостям и горестям» кадетов. «Поддерживая локоть своей правой руки левой говорил: “Ну-с — миленький-с” — и, утешая, соболезнавал об оценках». Когда же случалось, что кадета оставляли на второй год, и он, разобидевшись, выходил, громко хлопнув дверью, «старик-директор» спокойно изрекал: «Огорчен-с». Впрочем, требовательность самолюбивого и амбициозного моряка-интеллектуала остзейского происхождения, не всегда способного удержаться от язвительных замечаний,¹⁴⁷ порождала среди кадетов и противоположные оценки. С точки зрения воспитанников, Крузенштерн подчас представлял в несколько ином облике и заслужил отнюдь не лестные характеристики. Как педагог и руководитель Корпуса, «самолюбивый Крузенштерн»¹⁴⁸ (так назвал его в личном письме многим обязанный ему барон Ф.П. Врангель) представлялся подчиненным мальчишкам совсем другим человеком. «Весь корпус возненавидел его. Ему было прозвище — слепой колбасник, трюмная крыса и прочее, ему показывали фиги, строили гримасы», — писал Э. Стогов, заставший Корпус во времена, когда Крузенштерн начал руководить им. Кадеты воспринимали адмирала, возможно, не без подачи со стороны, как «бесхарактернейшего» «немца, умеющего ловко написать проект, но не исполнить» его.¹⁴⁹ В затронутой связи интересен рассказ Литке о подготовке юбилея пяти-

¹⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 14, оп. 1, д. 255, л. 30–31.

¹⁴⁷ Известен анекдот об ответе некоего кадета на экзамене. Высокий, дородный неуч, он, на вопрос директора: «Ну-с, расскажите нам что-нибудь о Лютере», брякнул: «Лютер, хоть и немец, но был храбрый человек». Уязвленный адмирал не удержался: «А вы-с, хотя и русский, но дурак-с».

¹⁴⁸ ЕАА. Ф. 2057, N 1, S. 443, L. 115.

¹⁴⁹ *Стогов Э.И.* Посмертные записки. С. 118.

десятилетней службы адмирала, которая встретила неожиданное противодействие некоторых адмиралов. «Такая оппозиция, — пояснял Литке, — совсем не была неожиданна для тех, кто следил за делами в последние годы. Флот вообще был уже несколько лет недоволен тем, чем снабжал его корпус. Выпускаемые офицеры не уносили с собой ни чувств признательности к директору, ни приятных воспоминаний о корпусном времени. Сверх того, Крузенштерн совершенно изолировал себя от всех уже давно. Ни с кем из флотских: ни со старыми, ни с молодыми, — не имел он никаких связей: ни хлебосольных, ни просто приятельских».¹⁵⁰

Что же получается? За фигурой отдельно взятого руководителя просматривается своего рода типичный случай — поведенческая стратегия управленца, военного человека, государственного служащего, всей жизнью и делами связанного с системой управления, внутри которой он действует как руководитель института, являвшего собой социальный слепок флотского мира как такового. Ранее, анализируя деятельность директора Морского корпуса адмирала И.Ф. фон Крузенштерна, мы подчеркивали влияние механизмов патроната «с немецким лицом» на развитие Российского флота. При этом мы столкнулись с достаточно широким, а в ряде случаев и с избирательным толкованием понятия «дворянство» в контексте российской истории XIX в. Это тем более было знаменательно при рассмотрении названной проблемы в контексте кадровой политики Морского ведомства, направленной на укрепление профессионально-сословных устоев морской офицерской службы. Широкое привлечение представителей немецкого дворянства, не только «коренного», но и «природного», являлось важнейшим рычагом формирования немецких группировок на флоте и делало военно-морскую службу привлекательной для низших слоев дворянства. Однако действующих лиц не следует воспринимать в качестве простых статистов. Их роль не сводилась к слепому выполнению социальных предначертаний, а выступала составной частью сложных и противоречивых процессов, происходивших в российском обществе в первой половине XIX в.

¹⁵⁰ Цит. по: *Комиссаров Б.Н., Циуксон А.А.* Юбилей пятидесятилетней службы И.Ф. Крузенштерна в дневнике Ф.П. Литке // *Елагинские чтения.* СПб., 2003. Вып. I. С. 68.